

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 316.4

В.А. Ламин, О.Н. Шелегина

УСЛОВИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Представлены результаты интеграционного исследования адаптационных механизмов и практик в традиционных и трансформирующихся обществах, позволяющие с новых методологических позиций изучать в исторической динамике условия освоения и заселения Азиатской России. Подчеркиваются актуализация историко-демографических исследований, необходимость создания обобщающих трудов по истории Сибири, внедрения научных достижений в управленческую, социокультурную, образовательную практику.

Ключевые слова: история Сибири, адаптация, источники, население.

Важное значение для оценки достижений и перспектив в изучении хозяйственного освоения Сибири имеют результаты выполнения в Институте истории СО РАН в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» интеграционного проекта «Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах» [1]. Его научная новизна определялась актуальностью комплексного исследования и определения в исторической динамике роли адаптационных процессов в условиях заселения и освоения территории Сибири. С этой целью осуществлялось изучение важнейших аспектов, связанных с этноэкологической адаптацией населения Сибири среди народов Евразии, хозяйственной и этнокультурной адаптацией переселенческих групп в эволюционных и бифуркационных средах, социокультурной адаптацией жителей в ходе индустриального освоения региона, с адаптационными механизмами в социально-экономическом комплексе Сибири в условиях постиндустриальных вызовов и императивов.

В ходе реализации названного проекта была создана репрезентативная источниковая база, в научный оборот введены новые исторические источники, содержащие информацию по различным проблемам хозяйственного освоения Азиатской России. Научное издание труда Г.Ф. Миллера «Описание сибирских народов» в российско-германской серии «История Сибири и Аляски из российских архивов» обогатит современную науку уникальными по полноте и достоверности сведениями по этнографии всех сибирских народов, позволит показать реальную практику общения русских с аборигенами, его результаты в разных регионах Сибири [2]. Нарративный источник П.Ф. Кочнев «Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика» – мемуары сибирского менеджера эпохи становления индустриального капитализма, дает уникальную возможность исследовать иерархию культурных сфер – материальной, духовной, соционормативной, производственно-профессиональной, конфессиональной, социальной, сословной, возрастной,

половой, семейно-брачной жизни городских и сельских групп населения, находившихся в процессе перцепции – взаимной трансляции субкультур. Для создания общего документального банка данных, изучения институциональных основ адаптационных процессов, исторической реконструкции всей технологической цепи «восточного вектора» государственной переселенческой политики интерес представляют изданные сборники документов. Так, во втором выпуске «Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений» [3] характеризуется этап переселений, на котором осуществлялся генезис и проверка организационной системы, государственного регулирования миграционных процессов, положенной в основу форсированных столыпинских переселений. В сборнике «Восточный вектор переселенческой политики СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг.» впервые представлены извлеченные из фондов переселенческих и военно-политических органов разных уровней – от центральных (ВПК при СНК СССР, ПУ РККА и др.) до региональных (СибРПУ и др.) – материалы, в своей совокупности дающие качественно новое, отличное от советских трактовок достижений и результатов государственной переселенческой политики, понимание движущих сил, мотивов и механизмов осуществления директивных решений и программ, претворявшихся в жизнь сталинским руководством. Это первое документальное издание, отражающее основные репрессивные и нерепрессивные виды, формы государственной миграционной политики. В нем присутствуют сюжетные и событийные линии, ранее не привлекавшие внимание историков («чистка» управленческого переселенческого аппарата в Сибири, организация мер по «зачистке» западных границ с переселением «социально опасных элементов» в Сибирь, результативность красноармейских и колхозных переселений на Дальний Восток и в Сибирь [4].

Использование современных методов и методик междисциплинарных исследований, внедрение в исследовательскую практику универсальной структуры адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения позволили получить новые интегрированные результаты, являющиеся значимыми для отечественной и мировой науки. Установлено, что в традиционных и трансформирующихся обществах в эволюционных и бифуркационных средах наблюдается непрерывный процесс адаптации субъектов и социальных институтов к модернизирующимся природным и социально-экономическим условиям. Эволюция моделей адаптивного поведения населения Сибирского региона происходила и происходит под влиянием экологических, этнических, экономических, социокультурных факторов с использованием адаптивных средств и механизмов в виде общественных институтов, регулятивных норм, социально-психологических воздействий.

На начальном этапе освоения Сибирского региона (преадаптации) адаптивные практики и механизмы внутрисибирских миграций (разведки; установление контактов с аборигенами; выброс форпостов, без утраты связей с местами выхода и т.д.); разнообразие видов трудовой деятельности, обусловленных традициями предков, были направлены на создание диктуемого суровым климатом Сибири многоотраслевого типа аграрного хозяйства.

Экономическая основа, духовные традиции, политические, социокультурные и психологические детерминанты привели к тому, что адаптивные трансформации завершились к середине XIX в. формированием относительно этнически однородного с русским самосознанием старожильского населения региона, ставшего неотъемлемой естественной структурной частью Российской империи [5. С. 51–53].

Определяющее значение на всех этапах заселения и освоения Сибирского региона имела миграционная политика государства, претерпевающая в исторической динамике изменения, определяющие адаптационные механизмы и практики. В рамках проекта проведен комплексный ретроспективный анализ феномена массовых аграрных переселений конца XIX – первой четверти XX в., реконструирована государственная переселенческая политика предреволюционного периода (выявление приоритетов государства, отработка механизмов и технологий реализации переселенческих программ), выявлены поведенческие стратегии в переселенческой среде в период массовых миграций. На макро (институциональные механизмы регулирования миграционных процессов) – и микроуровне (этнолокальная группа украинцев в Западной Сибири) осуществлялась реконструкция и сравнение ряда базовых характеристик государственной переселенческой политики в контексте двух эпох – дореволюционной и постреволюционной по признакам их целеполагания, формам, масштабам и эффективности. Обосновано понятие полной социальной адаптации переселенцев, выделено два ее этапа, занимавших, как правило, 20–25 лет: 1) обустройство собственным устойчивым хозяйством; 2) выравнивание со старожилами по экономическим показателям; выявлена взаимосвязь трансформации численности и этнического самосознания этнолокальных диаспор, сформировавшихся в Западной Сибири в результате череды переселений конца XIX – первой четверти XX в. Массовые миграционные процессы, инициированные государством или порожденные политическими факторами в постреволюционный период, были определены как мобилизационные. Установлено, что этапы адаптации спецпереселенцев в Западной Сибири в основном совпадали с фазами формирования и эволюции системы спецпоселений. Механизм адаптации включал активные и пассивные формы сопротивления и принятия нового статуса и положения, трансформации структуры и функций модели семьи. Спецпоселенцами использовались две базовые стратегии поведения – дезадаптивная и адаптивная, соотношение между которыми изменялось на протяжении 1930–1940-х гг. в пользу адаптивной стратегии. На репрезентативной эмпирической базе подтвержден сделанный ранее вывод о том, что генеральным вектором изменений в миграционной сфере выступала линия наращивания, а затем и абсолютного доминирования государственной мощи. От сравнительно «мягкой», поощрительной политики добровольных миграций столыпинского периода и второй половины 1920-х гг., когда добровольность, а потому и неизбежная стихийность переселенческих потоков не преследовались и не ограничивались государством, политический режим на рубеже 1920–1930-х гг. резко меняет приоритеты и вносит в ординарность практик переселения экстраординарные, чрезвычайные императивы (организованные государством принуди-

тельные переселения целевых групп – «кулаки», «социально опасные элементы», ссыльные и др.). В совокупности базовым фактором, определявшим успехи или противоречия и неудачи адаптационных процессов, выступал государственный патернализм, слагаемыми которого являлись: обязательства и ответственность государства перед мигрантами за их выполнение, с одной стороны, и надежды и вера мигрантов в успешность переселения (своего рода кредит доверия власти), с другой. Научную новизну имеет вывод о том, что произошедшее в 1930-е гг. тотальное огосударствление переселенческого процесса оказало разнонаправленное воздействие на адаптационные механизмы и практики мигрантов [6].

Со второй половины 1950-х гг. снижается роль факторов принуждения и жесткого государственного регулирования переселенческих и адаптационных процессов, активно применяются агитационно-пропагандистское воздействие, экономические и социально-психологические стимулы. Сложные взаимосвязи и взаимодействия в среде проживания человека в Сибири вынуждали население постоянно приспосабливаться к окружающей обстановке, адаптировать свои жизненные принципы и традиции к современной ситуации. На широком историческом фоне с привлечением новых разнообразных источников, использованием методологии модернизационного подхода проведен анализ проектов социально-экономического развития Сибири в XX в., рассмотрены вопросы формирования и адаптации населения в районах индустриального освоения Сибири. Исследователями выявлено формирование и действие факторов, механизмов, способствующих хозяйственному и социокультурному освоению Сибирского региона; показаны стратегические замыслы и реалии социально-экономического развития (конец XIX – начало XXI в.); установлена преемственность в разработке концептуальных оснований социально-экономического развития Сибири при смене политических режимов в стране. Установлено, что темпы освоения новых территорий Сибирского региона возрастали в течение XX в. за счет продвижения населения в новые районы, их освоения, приспособления к иным климатическим, природно-географическим и социальным условиям и увеличения масштаба антропогенного воздействия на окружающую среду в связи с хозяйственной деятельностью [7].

Важное значение придавалось изучению ситуации, складывавшейся на протяжении XX столетия, процессам индустриализации и модернизации, сопровождавшимся радикальными изменениями не только экономического, но и социально-демографического характера. Впервые в сибирской историографии исследована эволюция повседневной жизни под влиянием перехода от традиционно-аграрного общества к индустриально-урбанистическому. Адаптивный потенциал, накопленный населением Сибири в материальной и социокультурной сферах при индустриально-урбанистическом образе жизни к концу XX в., сыграл роль своеобразного амортизатора «шоковой терапии» в ходе проведения рыночных реформ. Возможно повторение подобной ситуации и в условиях современного финансово-экономического кризиса [8; 9].

Таким образом, наиболее активно освоение восточных районов страны происходило в XIX–XX вв., когда в стратегии развития российского госу-

дарства все более уверенно утверждались идеи постепенного перемещения центра тяжести экономического, социального и геополитического потенциала страны в сторону Урала, Сибири и Дальнего Востока. Освоение восточных районов рассматривалось в качестве надежного резерва, способного обеспечить России статус великой державы. Современное российское государство также ставит целью укрепление страны за счет экономического, социального и геополитического потенциала восточных районов. Поэтому исторический опыт их развития, заселения и адаптации населения является ценным национальным достоянием и представляет большой интерес не только в научном, но и общественно-политическом плане. Результаты исследований позволяют провести параллели и сопоставление формирования, действия и эффективности адаптационных механизмов в ходе освоения и заселения северных территорий США, Канады, Австралии.

В исследованиях, связанных с адаптационными механизмами к постиндустриальным вызовам и императивам социально-экономического комплекса Сибири, внимание акцентировалось на исторических предпосылках и современных стратегиях, определении основных этапов и особенностей модернизации в Сибири, анализе в динамике роли модернизационной магистрали востока России. Изучение промышленной адаптации Сибири, процессов, относящихся к началу и ходу ее индустриальной модернизации и реиндустриализации Сибири, показало, что реализация основных масштабных экономических проектов в Сибири на протяжении всей ее российской истории была подчинена интересам метропольного центра. В целом индустриальное освоение российской Сибири в XX в. получило не только всесоюзное, но и мировое значение, отличалось высокими темпами и крупными масштабами, играло важную, а иногда и определяющую стратегическую роль, особенно в критические для страны периоды. Промышленное освоение переродило этот край, превратив его из аграрного в индустриальный. Велик его вклад в мировую индустриальную цивилизацию. Веками существует и усугубляется, особенно сегодня, традиционно не преодолимый контраст между ее природными богатствами и униженным убожеством повседневной жизни основной части живущих здесь и бегущих из нее людей. Так что по-прежнему «Бедна богатая Сибирь!» для жителей своих, определенная далеким московским центром «к саморазвитию» и качающим из нее миллиарды долларов [9. С. 3–57].

Большое внимание также уделялось изучению актуальных геополитических проблем, в частности транснациональных миграций как объективного явления. При оценке ретроспектив и современного состояния так называемой «желтой миграции» установлено, что масштабное использование дешевой рабочей силы является одним из определяющих факторов быстрого раскручивания маховика хозяйственного развития территорий пионерного освоения, особенно находящихся в условиях транспортной изоляции от промышленных центров и демографических концентраций. Транснациональные миграции в Сибирь и на Дальний Восток с сопредельных территорий должны осуществляться цивилизованно с учетом российских интересов [10; 11; 12].

Таким образом, в современных условиях развития Сибири следует учитывать направления и результаты миграционной политики государства в предшествующие периоды, исходя из исторического опыта и современных стратегий развития социально-экономического комплекса Сибири, следует активнее использовать адаптационные механизмы, связанные с адекватной и эффективной реализацией и приумножением адаптивного потенциала региона. В эпоху глобализации следует определять перспективы развития Сибири в контексте формирования региональных сегментов национальной инновационной системы, с учетом геополитических интересов.

Весьма перспективными являются дальнейшая разработка теоретической базы, расширение предметного поля изучения адаптационных процессов для адекватной оценки явлений адаптации в экономике, культуре, социальных отношениях, общественном сознании Сибири и Российской Федерации. Важное значение для дальнейшего развития сибиреведения, консолидации научных сил имеет подготовка, на основе современных концепций с учетом новейших результатов, многотомной «Истории Сибири».

Литература

1. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / А.Х. Элерт, В. Хинтцше. М., 2009. (32 а.л. в печати).
2. Кочнев П.Ф. Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика / Научные редакторы: Т.С. Мамсик, А.К. Кириллов; Сост., публ., предисл. Т.С. Мамсик; коммент. А.С. Ваганов, Т.С. Мамсик. Новосибирск, 2006.
3. Сибирские переселения. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений: Сборник документов / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2006. Вып.2.
4. Восточный вектор переселенческой политики СССР. Конец 1920-х – конец 1930-х гг. Документальное научное издание / Ред. С.А. Красильников. Новосибирск, 2007.
5. Мамсик Т.С. Из истории адаптивных этнокультурных трансформаций на раннем этапе освоения Сибири // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск, 2008. С. 51–53.
6. Красильников С.А. Государственная переселенческая политика и адаптационные практики мигрантов в условиях массовых переселений на восток страны в 1930-е гг. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск, 2008. С. 19–24.
7. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007.
8. Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири: Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.С. Букин. Новосибирск, 2006. Вып.1.
9. Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.С. Букин. Новосибирск: Параллель, 2007. Вып. 2.
10. Ефимкин М.М., Ламин В.А. Азиатский ход России – Сибирский геополитический вектор // Вестник аналитики. М., 2006.
11. Ефимкин М.М. Основные этапы и особенности модернизации в Сибири // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск, 2008. С. 142–146.
12. Базаров Б., Ефимкин М., Ламин В. Ретроспектива и современность «желтой миграции» // Вестник аналитики. М., 2006. № 4 (26). С. 168–186.